

18+

Ярослава Полетаева

Как переехать в Америку

ИЛИ ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ ПЕТЕРБУРГА ВО ФЛОРИДУ

Ярослава Полетаева
Как переехать в Америку,
или Путешествие
из Петербурга во Флориду

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55346555

ISBN 9785449887702

Аннотация

Это вторая книга молодого петербургского автора Ярославы Полетаевой. В ней вы узнаете историю скрипачки Оксаны, которая (как в своё время и сама автор) в одиночку осваивает новую для неё вселенную – США. В пронзительном монологе героиня рассказывает о сделанных ею открытиях, а читатель наблюдает превращение русской девчонки в настоящую гражданку мира. В этой книге вы обязательно узнаете много неожиданного об Америке и о том, куда же приведет Оксану ее путешествие!

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ	5
В КОТОРОЙ ПРИНИМАЕТСЯ ПОВОРОТНОЕ РЕШЕНИЕ	6
ГЛАВА ВТОРАЯ	21
В КОТОРОЙ СЛУЧАЙНЫЕ ЗНАКОМЫЕ РЕШАЮТ МОЮ СУДЬБУ	22
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	30
В КОТОРОЙ СЛИШКОМ МНОГО СКРИПКИ	31
ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ	38
ИЛИ КАК Я БЫЛА БУДДИСТКОЙ	39
ГЛАВА ПЯТАЯ	53
ИЛИ ЛЮБОВЬ ПО-АМЕРИКАНСКИ	54
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Как переехать в Америку, или Путешествие из Петербурга во Флориду

Ярослава Полетаева

*«Земную жизнь пройдя до половины,
Я очутился в сумрачном лесу,
Утратив правый путь во тьме долины.»
Данте Алигьери
(1265—1321)*

© Ярослава Полетаева, 2023

ISBN 978-5-4498-8770-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В КОТОРОЙ ПРИНИМАЕТСЯ ПОВОРОТНОЕ РЕШЕНИЕ

– Ты уверена, что это хорошая идея? – прохрипела я. В гуде питерского метро нужно было кричать, и моему вечно осипшему голосу приходилось тяжело. – Может все-таки в Вену?

Мне, как скрипачке, жизнь преподнесла множество подарков. Один из них – путешествия. Музыканту не нужно знать иностранных языков, чтобы выражать свои эмоции. Его язык – музыка.

– Ну, смотри, какие у тебя есть возможности... Ты можешь поехать в Вену. Тем более, что ты уже переписываешься с венским профессором, и он готов тебя взять, да? Там Лена, может она чем поможет... Но у тебя только два месяца, чтобы выучить немецкий.

– Да, но ведь это ближе, чем Америка. Америка на другом конце света!

Америка. Почему-то я всегда знала, что буду говорить по-английски. Наверно, из-за этих бесчисленных голливудских фильмов. Я такая мечтательница! И в своих мечтах я всегда разговаривала по-английски. Не в прямом смысле конечно, а так, как будто бы. Ну, вы понимаете. В моем воображении какая-то актриса с гнусавым голосом транслировала

меня на русский.

Итак, другой вариант, о котором говорила мама, была возможность поехать в Америку. Учиться, конечно, а как ещё! Семья у меня совсем не богатая: мама режиссёр, папа актёр – в общем, люди искусства. И даже дяди бизнесмена, и того нет. И я с двоюродным братом, ну, почти акробатом. Ученым. Не сложившимся. Долго рассказывать.

– Америка на другом конце света, зато ты говоришь по-английски. Ты ведь говоришь? Тебя твои курсы чему-нибудь научили?

– Мам!

Вот за что я люблю мою маму, так это точно не за то, что она во мне все время сомневается. Верит, конечно, поддерживает, но критикует, как настоящий профессионал эпохи Товстоногова. Ох уж эти режиссеры – все время нас оценивают, судят, «не верят» по Станиславскому и устраивают «разбор по составу». Даже и теперь мама думает, что я плохо говорю по-английски. Может она права, я не знаю.

– Тогда Америка. У нас ещё есть время сделать визу?

Вот так в один ранний августовский день, на ходу, в метро и решилась моя судьба. Школьная учительница, которой я безумно благодарна за все в меня вложенное, и которую мы всем классом боялись за строгий нрав, предложила мне поехать на стажировку в Америку.

«Юля сейчас учится у отличного скрипача – он, в своё время, выиграл конкурс Чайковского. Ты у неё спроси – где

она там живёт... Может тебе туда тоже напроситься?»

И вот я уже звоню Юле Артавской, которую я совсем не знаю, и спрашиваю, где же это она учится и нельзя ли мне, ее «незнакомой», тоже приехать и тоже поучиться. И она говорит... можно! Ну, то есть как можно, не она же принимает новых студентов... Надо писать учителю, отправлять записку. У меня, конечно, не было тогда ни камеры, ни традиции записывать свои выступления, но я как раз буквально месяц назад отыграла выпускной экзамен в моей Питерской Консерватории, и кто-то тогда из родителей моих сокурсников записал концерт. Вот эту-то записку я и послала. В никуда. А через десять дней пришёл ответ – здравствуй, мол, Оксана, приезжай – гостем будешь. А как приезжать? До начала семестра оставалось меньше трёх недель – надо было сделать визу, собрать деньги на билет и... и что дальше, никто не знал.

– Мам, если я поеду – то только на месяц. А потом домой, хорошо? – Мама посмотрела на меня таким долгим задумчивым взглядом. И только сказала:

– Хорошо.

Ну, вот и все. Мы все в аэропорту.

Я улетала очень рано, поэтому с папой мы попрощались накануне. Я не смогла сказать прощай, потому что слезы душили меня. Вместо этого, я заперлась в ванной и оттуда махнула папе рукой. Но он приехал в аэропорт даже ночью. Мы все стоим у входа на паспортный контроль. Я, не спуская

глаз с моих провожающих, прохожу мимо контроля, ничего и никого не замечая. Слезы туманят глаза, и я не слышу, как таможенница кричит на меня, чтобы я предъявила паспорт на скрипку. До свидания, Родина!

До вокзала еще два часа,
Два часа – и как не бывало...
Чтобы слезы не жгли глаза,
Не гадать- то ли много, мало...
До вокзала уже два часа.
Два часа, и опять до встречи...
Когда встретимся – будет весна,
И мои непокрытые плечи.
Когда встретимся, будет май,
И наверно, меня не узнаешь...
Шубы, шапки – снимай, снимай!
И печали перчатки снимаешь...
Если встретимся, будет дождь...
Мы опять, как всегда, промокнем...
И пойдем в пелене одеж,
Засмотревшись в чужие окна.
До вокзала еще два часа,
Чемодан из разлуки и грез.
Это, милая, просто роса...
У меня больше нету слез.

В два часа уложить печаль,
В чемодан запихнуть разлуку.
Я хотела сказать... Вокзал.
Я лишь крепко пожала руку.

Бах, Вариации на тему Гольдберга

Моим любимым видом искусств всегда был театр. Не только потому, что я выросла в театральной семье, но и потому, что театр вмещает в себя все: музыку, слово, жест, танец... А какой простор театр предоставляет для воображения художника! Но я музыкант, а потому не представляю себе ни жизни, ни театра без МУЗЫКИ.

Я все время слышу музыку. Неуловимая для других, она аккомпанирует моим мыслям, удачно сказанной фразе, минутному уединению со звездным простором над головой. Она – необходимый проводящий элемент между мирским и божественным, важное звено в цепочке Человек – Природа – Бог. И даже тишина для меня имеет своё особое звучание.

А потому, даже перед тем, как было написано первое слово этой книги, я слышала ее звук. Так и повелось – книга писалась не только словесно, но и музыкально. Я уверена: для того, чтобы проникнуть в чужой мир, недостаточно одного вида коммуникации. Ограниченный формат книги не дает нам возможности улыбнуться друг другу, увидеть

в глазах слезы и почувствовать теплоту дружеского участия. Но музыка передаст и игру света на освещённом вечерним солнцем красочном витраже, и глубину чувств, вызванных этим зрелищем. Я даю музыкальные ключики ко всем моим впечатлениям и оркеструю жизненное пространство. Засим, я предлагаю вам найти предложенные записи в интернете и при чтении погрузиться в особый мир – мир музыканта.

Мое путешествие началось очень сумбурно. В день моего предполагаемого прилёта во Флориде был ураган. Это постоянное проклятье Флориды, поэтому даже окна в моем общежитии были сделаны так, чтобы их невозможно было открыть. Антиураганные окна. Студентам приходилось тайком откручивать болты сверлом, чтобы мы могли просунуть нос в тонкую щелочку и вдохнуть желанный свежий воздух. А потом эти постоянные кондиционеры! И ощущение то нестерпимой жары, то ледяного холода по тридцать раз в сутки, когда просто заходишь и выходишь из помещения. Но что-то я отвлеклась. Так вот, мой стыковочный самолёт отменили, и я застряла на несколько дней в Испании. Нам, конечно, дали отель (вот я говорю «конечно», а на самом деле это был настоящий подарок судьбы – не пришлось ночевать в аэропорту в мою первую самостоятельную межконтинентальную поездку). Я даже сама поехала гулять ночью по Мадриду. Это было так ново, так необычно, и так

грустно – путешествовать одной. Я все время представляла, как бы мама насладились этими местами вместе со мной.

Мы с мамой – одно целое. Мы все время были вместе, а главной нашей страстью были путешествия. Могла ли я когда-нибудь поверить, что буду с ней жить не просто в разных городах, а в разных уголках планеты! Даже сейчас, когда пишу эти строки, я думаю о том, что же все-таки важнее в жизни – люди или искусство... Почему-то в моей жизни мне все время приходится выбирать – или концерты в Америке, или общение с любимыми людьми в России; или счастье от совместного музыкального чуда с моим другом пианистом Итаном, или возможность побродить по Питеру и посидеть в кафешках с одноклассниками... Так что же важнее, музыка и творчество, или родные люди и родной язык... И то, и другое в своё время меня покинет, и я останусь со своим выбором один на один, вернее одна на один, или как уж там говорится...

Но пора менять пластинку. Я начинаю новую жизнь, а значит и музыка звучит новая.

Йо-Йо Ма, Attaboy

Я познакомилась с Итаном в первый же месяц моего пребывания в Америке. Добравшись до своего Университета после всех треволнений урагана, новая жизнь для меня началась встречей с новыми людьми. Итан играл роскошное пе-

реложением этюда Рахманинова в джазовой манере, а в конце этюда пальцами коснулся воздуха, словно завершая пассаж. Это было так необычайно красиво и артистично, что я сразу спросила друзей, кто же это такой.

Мне он всегда казался таким весёлым, сладким... Вы, наверно, встречали таких людей, в обществе которых всегда приятно находиться? Я была им заморожена. И хотя он сам решил включить меня в число своих друзей и стал везде приглашать, я тоже намеренно ходила в те места, где могла его встретить. Итан имел такую интересную особенность – он сознательно и кропотливо выбирал себе друзей. Если вы прекрасный музыкант, одаренный художник или талантливый писатель, вам будет значительно легче подружиться с Итаном, нежели посредственному представителю названных профессий. Ему всегда нужны были вокруг только примечательные люди и только самые восторженные почитатели его таланта. А если его кто-то разочаровывал, то он долго не думал и просто переставал общаться. Сколько раз я сталкивалась с тем, что он одного за другим отсеивал людей из числа наших знакомых, которые разочаровали его по тем или иным причинам. А иногда он напрямую говорил мне, что ему не нравится кто-то из моих знакомых, и он бы не хотел, чтобы я с ним общалась. А самое смешное, что так и происходило. Я была почти рада сделать это для Итана. Да что там, я была готова сделать все для Итана.

– Привет, моя дорогая! Поехали, нас уже заждались!

Итан везёт меня на концерт к своим богатым знакомым. Я только что выиграла скрипичный конкурс в моем новом университете, и Итан хочет меня показать своим друзьям и покровителям. – Они все запищат от твоей Хабанеры!

Tango Santa Maria (del Buen Yyre)

– Ой, а кто эта девочка? Она сумасшедшая!

Я выскакиваю на сцену прямо во время музыкального номера и начинаю импровизировать вместе с Итаном и какой-то незнакомой певицей. Вот за что я и люблю этого парня – только с ним я решилась бы на такое! Хоть в огонь, хоть в воду – ничего не страшно, когда такая громадина за спиной! И в прямом, и в переносном смысле. Дело в том, что Итан немного полноват. Ну и музыкант фантастический. Никаких границ и ограничений! Вы понимаете, музыкальный мир состоит из одних правил. Традиция на традиции, и все это украшено законами и само собой подразумевающимися нормами. Законы стиля, века, нравов, тональности, характера, темпа, страны, композиции, школы и далее до бесконечности. Каждый музыкант в своём роде непреклонный критик, и каждый ищет поле для деятельности. Как приятно попрактиковаться в остроумии и продемонстрировать свою эрудицию после выступления коллеги! Вместо того, чтобы

самому подняться на сцену и сыграть, как нужно. Итан совсем не такой. То ли из-за того, что он вырос в стране без известной и искушённой музыкальной традиции, то ли из-за того, что его окружение воспринимало музыку как непосредственный язык общения. Как бы то ни было, его музыкальный мир не имел никаких схем и образцов. Он создавался исключительно фантазией самого художника. Безусловно, мой друг был одарён свыше всякой меры удивительным природным чутьем. Я поражалась, как он всегда точно угадывал мысли музыканта, которому он аккомпанировал. Как будто становился тенью и следовал за своим хозяином, в точности повторяя его движения. Он многому меня научил. Также, как и его страна. Может это правда, что есть в мире удивительные «места силы», средоточия энергии, где все видится под другим углом. Я провела на его родине, Филиппинах, много месяцев, и никогда — ни до, ни после — не медитировала так глубоко, не страдала так отчаянно, не была счастлива так сильно и не писала таких вдохновенных стихов, как там.

Я бы порассказывала
Отчего здесь не падают листья,
Только некому.
Что мне мама когда-то наказывала,
Целовавши ладони и кисти,
Смыто реками.

Все забыто, давно перепахано,
Заросли голубые проруби,
Я одна.
Облака моих грёз сахарных,
Упакованы в чёрные короби-
Навсегда.
Вся сочится туманом
Золотая гора прошлого,
И манит в поход.
Я кричу до раскола
Людского и божьего...
Но безмолвен народ.

Россия тоже удивительная. Я сейчас это особенно ясно понимаю, будучи в Америке. Если говорить о девятнадцатом веке, то ни у одной страны нет такой потрясающей литературной и музыкальной традиции, как у нас. Конечно, мы очень трагичные. Я думаю, в этом мы превзошли всех в любом веке.

Я как переехала в США – сразу перестала читать. Сначала думала, это из-за того, что здесь все новое и незнакомое, и мне надо освоиться и приобщиться к этой неожиданной новизне. Я была постоянно окружена водоворотом событий и ходила на все вечеринки в нашем общезитии. Свободно читать на английском у меня ещё не получалось, а рус-

ских книг не было. Но шло время, родители прислали мне пару-тройку книг из дома. И хотя я была им безумно рада – ничто так не придаёт ощущение уюта, как книги – я ставила их на полку и уходила на встречи с друзьями.

Почему я перестала читать? Не могу с точностью ответить на этот вопрос. Думаю, когда я освоилась с моей новой реальностью и пришло время соединять два разных мира, старые методы не могли удовлетворить новые потребности. Теперь я заядлый слушатель – слушаю много и постоянно- аудиокниги, лекции знаменитый профессоров, курсы по философии и искусству, обучающие семинары и, последнее слово интернета, подкасты. Времени читать стало меньше, а слушать аудиокниги так удобно, когда ты за рулем! И глаза стали чрезвычайно уставать от постоянной читки нот в темных оркестровых ямах. Но главное, вся моя жизнь изменилась, а значит и средства потребления этой жизни должны были измениться вместе с ней.

Признаю, философские размышления требуют разгрузочную паузу. Украшает их музыка, и конечно, стихи.

Пьетро Масканьи, Cavalleria rusticana

Мне сегодня приснились окна
Моего родового дома,
Из надежд и мечтаний соткан

И покрытый ночью дремой.
Мне сегодня приснилась мама,
Сочинявшая сказки дюжиной.
Я большой и известной стану,
Но счастливой мне быть не сужено.
Мне сегодня приснились стены,
Каждый угол которых знаком.
Как души моей вспухшие вены —
На обоях вспухший картон.
И на утро зарей гадала,
И пускала закаты вспять...
Я сегодня странно устала.
Я сегодня одна опять.

Американская литература разочаровала грандиозно.

Мне думалось, что на каждого Толстого и Достоевского у них есть свой Сэлинджер и Хемингуэй. Оказалось, у них есть ТОЛЬКО Сэлинджер и Хэмингуэй. А поэзия... Правда, чтобы по-настоящему прочувствовать красоту языка на нем надо говорить абсолютно свободно. Но, боже мой, я совершенно предвзято и без малейшей застенчивости считаю, что русской поэзии нет равных на всем белом свете. Так сильно чувствовать и сопереживать я могла, только читая наших Цветаеву, Есенина, Маяковского... Мурашки по коже бегут, когда я вспоминаю строки Есенина:

«Не жалею, не зову, не плачу,
Все пройдет, как с белых яблонь дым.
Увяданья золотом охваченный,
Я не буду больше молодым.»

Мне 28 лет, и я чувствую эту его боль каждый день, прожитый мной на земле. Но не так, чтобы плакать от безысходности бытия, а так, чтобы творить с чувством неизмеримого сострадания ко всему живому. Я думаю, от этого мне и писалось так хорошо здесь, в Америке – «большое видится на расстоянии». И моя любовь ко всему русскому, родному, славянскому вылилось в стихах, написанных в первые годы иммиграции. Оказалось, моя кровь наполовину состоит из плазмы, а наполовину из сказок мамы, историй дедов и легенд прадедов.

Заносила-носила по полю,
Заиграла ветвями-трубами,
И чужому ответив вополю
Взбила выюга туманы руганью.
Где-то там далеко и холодно,
Где-то там завалило-залило...
В стороне киселя и солода
Над родными стенами зарево.
Где-то там в глубине памяти,
В широтах резеды и клевера,

На сердцах у людей наледи,
Как сложилось в народах севера.
Где-то там, где следы слажены,
Растворожены бабой Ягою,
Растревожены Лешим ряженным,
Все слагается песней-сагою.
Где-то там, где все чудится сказкой,
И мерещатся огоньки —
Навсегда тонкой голубоглазкой
Я осталась плести венки.

ГЛАВА ВТОРАЯ

В КОТОРОЙ СЛУЧАЙНЫЕ ЗНАКОМЫЕ РЕШАЮТ МОЮ СУДЬБУ

Начиналась фантастическая гроза. Такая, какая бывает только на юге, и только в близости океана. Чёрная, с миллионами молний, с прямым потоком воды, льющимся и сверху, и снизу, и с боков.

«Посмотри вокруг... – говорит Итан. – Природа во всю празднует своё существо. Это пиршество вседозволенности, чувств без границ, без отчета, без тормозов. Какое счастье жить, чувствовать, испытывать ярость, громить все вокруг, тут же смывать все разрушения и снова строить песчаные замки с чистого листа. Закрой глаза – ты слышишь, как шумит ветер? Он не должен ничего и никому, он просто поёт, он свободен! Ты слышишь эту волшебную музыку дождя? Это стучит твое сердце в ритм со стуком дождя, со всхлипом подошв по лужам! Ты чувствуешь, что ты одно целое со стихией, с этой непреодолимой и необъятной махиной! Мы такие маленькие в круговороте этого пиршества! А почему мы должны оставаться в стороне от стола, накрытого яствами и винами? Давай вкушать эту нашу одну единственную и неповторимую жизнь!»

С этими словами Итан выпрыгнул из припаркованной ма-

шины и побежал к океану. Он собирался купаться в грозу! В своём смокинге, жилетке, бабочке и концертных брюках. И что мне оставалось делать? Я последовала за ним в своём единственном концертном платье! Мы прыгали на волнах и смеялись как сумасшедшие.

Позже, мы босиком шли в наших намокших костюмах по университетскому кампусу и улыбались на недоуменные взгляды окружающих. Куда им было нас понять! Мы были едины с природой, с миром. Итан был моим проводником в этот мир первобытных чувств и первозданных красок, ещё до изобретения неоновых и флуоресцентный заменителей. Ну, как я могла его не полюбить!

Сiju в маленьком кафе самого богатого города США и ем собственную еду, принесенную в контейнере. Бедность – это проклятие или благословение? В какой момент моя экономность переходит разумные границы, и лицо неувовимо начинает напоминать очертаниями Скруджа? Почему меня все время тянет на люди, а найдя их, я хочу спрятаться обратно в свою скорлупку?

Так меня воспитали родители. Они развелись, даже не могу сказать, когда – наверно, в годы моего раннего отрочества. Гордость никогда не позволяла просить деньги у папы. А потому он периодически «премировал» меня всякими стипендиями за отличное обучение или за какое-то дости-

жение. Отличное обучение всегда было его пунктиком. Он не то что заставлял, но всем своим существованием давал понять, что это необходимое условие для дальнейшего счастья. Конечно, я хотела, чтобы папа мной гордился, и делала все, чтобы заслужить его любовь и одобрение. Любил бы меня папа так же сильно, если бы я не была успешна в учении и в профессии? Думаю, что его любовь в этом случае была бы тяжелым бременем из-за постоянного давления и призывов к совершенству.

Я хочу быть совершенной, однозначно да. И мне всегда казались фразы на тему «никто не совершенен» просто ленивой отговоркой. Но как тяжела дорога к совершенству! И уж «совершенно» точно то, что эта дорога идёт параллельно дороге к счастью. Как и во всех аспектах жизни, человеку нужно держаться Middle Way, или Пути Золотой Середины.

Папа мой совершенно особый человек – я надеюсь, что его имя останется и в истории, и в сердцах людей. По крайней мере, он действительно делает для этого все от него зависящее. Но один вопрос нет-нет, да и даст о себе знать – стала ли я счастлива с моими родителями?

Так вот, про бережливость. Сколько себя помню, мама все сэкономила и сэкономила. Подарки мы передаривали по два раза и никогда не ходили по магазинам. Но зато ездили путешествовать. И вот я помню, как мечтала куда-то поехать и планировала необходимые подробности за многие месяцы вперёд, а мама мне говорила, что это для нас слишком до-

рого. Потом мы, конечно, все равно, куда-то ехали, но мне всегда хотелось остаться там подольше, поехать куда-то ещё, помечтать и посмотреть места, которые были в моей настольной книге «Сто самых красивых мест мира».

Так, к чему это я? Мне до сих пор ужасно тяжело тратить деньги. Золотые деньги – смысл существования по-американски, – которые, оказывается, нужно просто копить – чтобы были на чёрный день. А мне хочется иметь возможность купить моей бедной маме все, что только душенька ее пожелает, и даже больше, в сто раз больше! Я так хочу, чтобы она была наконец счастлива; так хочу, чтобы она, наконец, перестала передаривать подарки. Хотя это настоящее искусство – планировать кому и что передарить. Тут стратегия нужна! Я искренне радовалась, получая подарок, который мог бы понравиться кому-то из моих знакомых. Я думаю, что тут ещё сыграло свою роль то, что я больше люблю дарить подарки, нежели их получать. А может это просто удовольствие от сэкономленного доллара. Или рубля? Кто уже знает!

Когда мой самолёт наконец приземлился, во Флориде бушевал ураган. Я спускалась за багажом по эскалатору и смотрела в гигантские стеклянные окна аэропорта.

«Погода была такой же в Петербурге, когда я уезжала!». Я не знала, смеяться мне или плакать. Реальность состояла в том, что все средства связи с Бока Ратоном – городом моего

назначения, где находился мой институт – были отменены. Поезда не ходили, и только такси могло довезти меня до желанной постели, в которой я собиралась проспать несколько дней подряд. А лучше месяцев, чтобы проснуться уже в Питере. Но такси стоило примерно столько же, сколько мне было отпущено на три первых месяца существования в США, так что этот вариант я старательно игнорировала.

Прямо рядом со мной человек лет сорока разговаривал по сотовому.

– Ну все, мы уже едем! Ты в Боке? Давай, тогда до встречи!

Он повесил трубку и повернулся к своему пожилому спутнику.

– Пап, нам с тобой туда, я видел указатель.

– Извините ради бога, я случайно услышала ваш разговор, вы случайно не в Бока Ратон едете? – говорю я на моем ломанном английском, краснея и запинаясь.

– Да, мы с отцом идём арендовать машину – это сейчас единственный способ туда добраться.

– А, понимаю. Мне вот тоже туда. Вы знаете местный Университет? Я скрипачка, и еду учиться...

– Ух ты, как здорово! Моя жена обожает музыку! А это мой отец – он родом из Испании, и мы возвращаемся с его родины, – показал незнакомец на своего спутника. – Мы гостили там у наших родственников... Меня зовут Майкл, кстати, а это Лоренцо. Тебя кто-то встречает?

– Нет, я сама по себе, как кошка... Или скорее дворняжка бездомная.

– Так давай мы тебя подвезём! – говоря это, Майкл косится на мою скрипку. – Это что у тебя там? Автомат Калашникова?

– Почти. Скрипка!

– Отлично, ты моей жене как раз и поиграешь! – это уже Лоренцо во всю радуется. – Замечательно, пойдём с нами, Русса Туриста!

Мы когда потом разговаривали об этом эпизоде с друзьями, меня ошеломлённо спрашивали, как я решилась сесть в машину с двумя незнакомыми мужчинами. Но дело в том, что в этот момент здесь на чужбине решалась моя судьба. Я не знала ни одной живой души, и была обречена жить целый год без семьи, друзей и поддержки. Передо мной стоял выбор – или быть букой, верной нашим русским традициям недоверия и подозрительности, молчать всю дорогу и страдать втихомолку (слово-то какое!). Или же я могла круто поменять своё мировоззрение и открыться миру душой, готовой принимать все с благодарностью и удивлением.

– Я с удовольствием познакомлюсь с вашей женой! Спасибо огромное, я вам так благодарна!

И вот мы уже едем в арендованной машине, и Лоренцо рассказывает мне про себя и свою семью.

– Я родился и вырос недалеко от Алеканте, в маленьком городке. Я помню, что был пионером, присягал служить

Комсомольской партии и Ленину – можешь себе представить? Ты наверно такого и не знаешь!

– Как не знаю? Ленина, конечно, знаю! А вот комсомолкой не была, я родилась в год распада Советского Союза.

– А... Ну вот, а я мальчишкой был угнан из Испании во время войны. Потом мы бежали, я устроился на корабль поваром, а когда прибыл в Америку, то просто остался здесь. Вот так с тех пор и живу тут – сначала в Чикаго, а на старости лет здесь, во Флориде. Чего только не повидал я на свете! Был и в России во время моего пребывания на корабле. Помню Киев – очень красивый город.

Привыкнуть к тому, что любой город и республику Советского Союза тут называют Россией, мне придётся ещё только через несколько лет. Помню, как я тщетно пыталась поправлять и рассказывать, откуда же я все-таки родом. Сейчас-то я понимаю, что наши советские республики имеют много общего, и будучи так далеко от родины глупо отказываться от родства с нашими историческими соседями. Да к тому же мои объяснения вряд ли могли возыметь какой-то эффект. Если уж человек не знает истории, то и география ему ни к чему. А сегодня, встречая русскоговорящее население тут, за границей, понимаешь, как крохотен мир, и только уповаешь на всеобщую дружбу.

Мне тяжело воспринимать сильный испанский акцент Лоренцо. День, когда я научилась его понимать почти без проблем я праздную, как день свободного освоения английского

языка. А почему «почти без проблем», так это потому, что акцент у Лоренцо такой силы, что тут уж любой американец снимает перед ним шляпу и рассеянно улыбается.

По приезду в Боку меня не везут в Университет. Нет, Лоренцо говорит, что я ему так полюбилась, и он просто обязан представить меня всей своей семье.

Мы едем к ним домой. Майкл звонит своей жене, и она тоже приходит со мной познакомиться. Эти люди останутся со мной на протяжении всех этих лет. Я не могу сказать, что всегда была для них тем, кем они меня, возможно, считали – своей русской внучкой. Говорю я это потому, что не всегда была рядом с ними, не до конца отблагодарила их за ту доброту и теплоту, которую они мне оказали с первых же дней моего приезда. Хотя возможно, внучки тоже удаляются от своих дедов, потому что молодость всегда чуждается и боится старости. Поэтому я хочу хотя бы сейчас поклониться им низко, по нашей русской традиции, и сказать, что своей добротой и щедростью они открыли мне мир доверия. Мир, который благодаря им стал ассоциироваться у меня с Америкой.

Yo-Yo Ma, Quartet Chicken Dark

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

В КОТОРОЙ СЛИШКОМ МНОГО СКРИПКИ

Я переехала, когда мне было двадцать два года. Сейчас кажется, что Россия была в какой-то другой жизни. Когда я выпускалась из американского университета, пришло время искать работу, и я надеялась остаться здесь на какое-то время. Почему не навсегда? Странно, но у меня, иммигрантки, никогда не было цели переехать за границу. Все это получилось само собой. Если ты музыкант, у тебя есть возможность посмотреть мир и поиграть на всех континентах. Послушать, как твой инструмент звучит и в нестерпимую жару, и в пронизывающийся холод, и как при этом твоё сердце отзывается на альпийские поля или яркие джунгли.

После выпуска я занималась как заведённая. Сушая правда, по десять часов в день. Когда тебе двадцать восемь, и рядом нет ни семьи, ни друзей, то тебе достаточно легко сделать выбор в пользу карьеры. Мое счастье в том, что карьера моя была творчеством. Смешно сказать, но я была так счастлива в этот короткий период моей жизни. Я делала что-то важное, стремилась к чему-то определенному, преодолевала себя и пределы человеческих возможностей.

В то время у меня были напряженные отношения с Итаном. Он начал открыто ходить на свидания, и мне было тя-

жело оставаться по вечерам в одиночестве. Так вот, результатом моих усилий стали два прослушивания в местные оркестры. Я так волновалась, что попросила медсестру в университете выписать мне сильные успокоительные. Перед прослушиванием в один из оркестров я приняла это лекарство, и мне казалось, что сыграла замечательно. Но я не прошла. Второе прослушивание было без медикаментов. Я дрожала как осиновый листок, и была готова утопиться в теплейшем атлантическом океане сразу после прослушивания.

– Мам, я сыграла... Ну, не очень удачно, но я сделала все, что могла. Действительно все, и до последней капли!

Я звоню маме с пляжа Майями. Припарковалась прямо на океане – благо прослушивание проходило в пяти минутах ходьбы. Мне надо выговориться; удостовериться, что все было не напрасно.

– Поздравляю, солнышко. Теперь отдыхай. Ангела хранителя! Помолись Николаю Угоднику, и все будет хорошо.

Мама стала очень религиозной после развода. Ей было непреодолимо тяжело. Чувство одиночества тяготило и отравляло каждый день, каждый миг. Жизнь, как кофейная чашка, разбилась на две половинки. Двадцать пять лет вместе, и вдруг все – до свиданья, рад был знакомству. Недавно папа написал мне письмо со словами, что его самой большой ошибкой в жизни было то, что он нас оставил. Интересно, что же он имел ввиду. То, что любая семья проходит через тяжелые времена? Или то, что счастье не в том,

с кем ты, а в том, кто ты? Я не стала уточнять. Папа написал, что отношения в семье были напряженные, особенно из-за маминого брата, который жил с нами и периодически выпивал. Тут уж меня увольте – то, что папа нас оставил одних разбираться с сильным здоровым мужиком, – этого я не могу принять. Но принять – это одно, а простить – совсем другое.

Но это все в прошлом. Сейчас мы с папой очень близки. Расстояние, как ни парадоксально, сблизило нас. Хотя мои отношения с дядей наложили отпечаток на всю дальнейшую жизнь.

Так вот, мама пришла в церковь. И нашла там удивительных и таких же страдающих людей. Церковь стала ее поддержкой. Я это теперь хорошо понимаю. А тогда меня раздражали постоянные ссылки на библию и неустанное следование всем церковным догмам. Неужели мама не могла понять моей чистой и глубокой любви к Итану, и неужели же он был обречён гореть в аду? И как она могла быть уверена в правильности одной единственной религии? Могла ли я? После того, как я играла в костелах и церквях всех существующих религий. Разве что за исключением мусульманской (женщины ведь вообще не допускаются в главное здание, где проходит служба). Как я могла быть уверена, что только мамина религия истинная и правильная?

Я не помолилась Николаю Угоднику, как просила мама, но меня все же взяли во второй оркестр. И не просто взяли, а я стала ассистентом концертмейстера – вторым человеком

во всем оркестре. Когда концертмейстер не могла играть соло, то в качестве солиста выступала я. Казалось, все мои усилия оправдались и, наконец, принесли долгожданные плоды. Теперь должна была начаться другая жизнь, полная концертов и успеха.

Eric Whitacre, Alleluia

Другая жизнь и началась. Но не такая, как я думала. Вот правду говорят – человек предполагает, а кто-то там наверху всем располагает. Уже когда я занималась на убой, у меня начали неметь и покалывать руки. Но кто обращает внимание на такие мелочи! Потом руки начали болеть, но у меня были важные концерты, которые я не решалась отменить. Конечно, надо было отменять не задумываясь. Это я сейчас понимаю, а тогда казалось, что нет ничего важнее. Оказалось – есть. Из-за проблем с руками мне пришлось взять отпуск в оркестре и перестать играть. Совсем. Но каково это – скрипачке, и вдруг перестать играть? Ведь музыка была всей моей жизнью, центром вселенной и основой, вокруг которой строился день. Я убегала от реальности в волшебные города, сотканные из звуков, и могла прожить сотни жизней, прочувствовать сотни любовных историй, просто взяв в руки скрипку. Моя профессия – это моя судьба. Я была абсолютно в этом уверена. Она открывала для меня двери в сердца

людей и помогала рассказывать свою историю. И что же теперь? Конец всем великим планам и мечтам?

Сначала я не могла спать ночами. Мне просто было так страшно, что я не могла заснуть. Но это прошло. Началась стадия отрицания. Я не верила, что это надолго, и всячески старалась себя занять планами и проектами, которые я смогу осуществить после возвращения в музыку. Потом пришло осознание того, что этот период моей жизни может затянуться на неопределенное время. Надо было принять происходящее. Помогла и мама, приехавшая меня поддержать, помогла и медитация, которая стала моей каждодневной опорой. А главное, пришло ощущение благодарности. За все. За то, как много мне было дано, за то, что у меня было сейчас, и за необъятный простор для творчества и, собственно, жизни, которая открывалась передо мной.

Я расскажу тебе, как жила
Эти два месяца.
Где и с кем ела и что пила,
Чтоб не повесится.
Я расскажу тебе, чем тушить
Души горящие.
Судьбы чужие легко вершить
Не настоящие
Я расскажу тебе, как встречать,

Первые горести.

Мне до рассвета строчить-верстать

Грустные повести.

Я расскажу тебе, как страдать,

Даже без повода.

На пепелище кому подать,

Скоплённое золото?

Я расскажу тебе, как любить

До бесконечного.

Кроме себя я хочу винить,

Каждого встречного.

Я расскажу тебе, как узнавать,

О каждой неверности.

Старое сердце по новой менять,

Больно по первости.

Я расскажу тебе, как принимать

Это решение-

Жить и упрямо благословлять

Все лишения.

Я никогда не жила полной жизнью. Со стороны она, конечно, выглядела сказкой. Я путешествовала по всему миру, играла концерты, встречала удивительных людей и жила в Америке – в самой богатой и комфортабельной точке мира! Но я никогда не любила по-настоящему – никого, кроме

Итана. Влюбленность юности не в счёт. Раньше я не давала себе возможности делать то, что хочется. Всегда только то, что нужно. Я не переставая училась до тридцати лет, следуя за большой мечтой и работая, не покладая рук.

А мне всегда хотелось танцевать. Но никогда не было ни времени, ни смелости. Сейчас же жизнь дала мне возможность остановиться, осмотреться вокруг и подумать, что же для меня действительно важно и что со мной останется под конец дня. Папа говорил, что только писательство даёт нам жизненный стержень, который может провести через всю жизнь да ещё и оставить наследие для потомков. Только посредством пера, а в моем случае компьютерной клавиатуры, можно начертать своё имя в седых переплетах времён. Все забудется, а след мысли, начертанный на бумаге – читай в интернет-пространстве – останется навсегда. Или насколько позволит наша вселенная. То есть лет на пятьдесят.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

ИЛИ КАК Я БЫЛА БУДДИСТКОЙ

Моей второй знакомой в Америке стала моя соседка по общежитию. Казалось, что Мэй говорит по-английски даже хуже, чем я.

– Хочешь пойти в кафетерию тут на кампусе? – спрашивает она. – Ты, должно быть, голодная?

– Да, спасибо, пойдём.

Я так устала за эти несколько дней дороги, что уже ничего не чувствовала, и просто делала то, что мне говорили. Мне казалось важным познакомиться с Мэй и посмотреть, как же все-таки живут американцы.

– Мэй, ты откуда сама?

– Я только что прилетела из Китая, из Чинду – это родина панды. Знаешь? Я первый раз в Америке. Это заметно, да? – рассмеялась она. – А ты?

– И я тоже. Что будем брать?

Yo-Yo Ma, 13:8

Кафетерия ошеломляет. Выбор такой огромный, что непонятно, как мы отсюда сможем уйти. Мэй, похоже, более зоркая девочка и уже приспособилась находить в этом

раздолье азиатскую еду. Я же первые двадцать минут трачу на то, чтобы просто обойти все вокруг и посмотреть на все это великолепие. Дело в том, что я привыкла к контролю. Это было не особо для меня заметно, потому что строгий контроль присутствовал в моей жизни всегда. Семья и школа контролировали все – начиная от распорядка дня и заканчивая едой. И только здесь, так далеко от всех, как только возможно было забраться, я почувствовала, как этот контроль спал. Оказалось, я была совершенно беспомощна перед выбором.

– Я, пожалуй, попробую... все. Да, и это тоже. – Я утвердительно киваю на удивленный взгляд работницы кафетерия.

А сколько там было десертов! Раньше, мне никогда не хотелось съесть больше одного положенного кусочка торта. В России, помимо еды, у меня были родные, друзья, книги, учеба – да к тому же все стоило денег. А здесь из развлечений у меня не было ничего. Но зато я получала полную стипендию, оплачивающую мое проживание и питание – так что это пиршество было абсолютно бесплатно! В общем, я потихоньку, но верными и целеустремленными шагами начала набирать вес. Кстати, вам, наверно, интересно будет знать, что в Америке все непременно набирают вес. Сначала немного, потом все больше и больше. Кто-то сбрасывает, а кто-то так и остаётся пополнившимся и омериканившимся. Самое ужасное, что во Флориде нет культуры ходьбы. Везде и всюду вы ездите на машине. И это ужасно. И потому, что

движение – это жизнь, и потому, что двадцать два года своей жизни я ходила пешком по красивейшему городу мира Петербургу.

Tibetan Gong and Singing Bowls

– Мэй, ты не могла бы выключать свою музыку на ночь?

Моя соседка – начинающая буддистка, и даже ночью в нашей комнате звучат мантры. Я прихожу поздно вечером и, первым делом, выключаю проигрыватель. Мы делим малюсенькую комнатку, в которой у нас только две крохотных кровати и два столика. Холодильник Мэй покупать не хочет, чтобы не хранить еду в комнате. Она видит, что у меня сложные отношения с пищей и всячески старается мне помочь.

– Оксана, у меня есть знакомый китайский доктор – он примет тебя бесплатно. Я вижу, как ты страдаешь.

Это правда. Возвращаясь домой после университетских вечеринок, я ем. Ну а что вы хотите? Мне нужно было начинать жизнь заново, и первые два года я упорно уделяла внимание общению. Помню, я удивлялась, что перестала смотреть кино – просто не было времени! На тот момент, общение стало главным. Помимо занятий на скрипке, конечно. Музыка, как неизменная константа, продолжала поддерживать и сопровождать меня и здесь. Я занималась много, как никогда раньше. Одиночество и необходимость показать ми-

ру, на что я способна, заставят делать и не такое.

Ну так вот, общалась я много, но и ела много. Общение не всегда было только радостное и легкое – найти друзей в чужой стране не так-то просто. Тут были и сложности перевода, и культурные различия – цитаты из книг, и те другие! Да и книг тут читают мало. По крайней мере, во Флориде. А если читают, то совсем другие. Самый популярный жанр в Америке – книги из серии «Помоги Себе Сам». Как за углом подкараулить мужчину мечты, как приготовить пирог для своей собаки, как связать шарф из итальянских бездрожжевых макарон – можно найти советы по любому поводу! Мемуары тоже очень популярны. В общем книги, которых в школе не проходят.

Моей зависимости от еды совершенно не помогает и моя дурацкая любовь к Итану.

– Скажи, Мэй, как у тебя получается так философски ко всему относиться?

Я смотрю на ее спокойное лицо с роскошно-длинными и невообразимо чёрными волосами. Тень сожаления мелькает в ее красивых раскосых глазах.

– Оксана, любовь бывает разная. Вы знаете только один вид, который сосредоточен только на себе и своих чувствах. Я люблю этого человека больше всего на свете, и все мое существо, каждая клеточка души сосредоточены на объекте моих желаний. Получается, что мое настроение и благополучие напрямую зависят от настроения и благополучия

избранника. Это не любовь – это пытка. Я выбрала для себя другую любовь, любовь более спокойную и отвлеченную, но зато постоянную и направленную во вне. Я люблю мир, люблю каждое живое существо, каждого человека. Я люблю тебя, но я также люблю и другого. Это делает мой мир спокойнее и ограждает от неизбежных потрясений. Я не привязана так близко, как ты, ни к чему мирскому, а значит, и смерть близких не пугает меня так, как она пугает тебя.

– Так что же, Мэй, ты никогда не влюблялась?

– Почему не влюблялась? Я этого не говорила. -таинственно улыбается она. – Но я всегда могу отблагодарить и отпустить любого человека. Также я благодарю и препятствия на моем пути.

– Как ты это делаешь?

– Я говорю четыре волшебные фразы.

– Четыре? Всего-то? Научи меня, Мэй!

– Не волнуйся ты так, это очень просто. Секрет тебе знаком – чтобы достичь мастерства в чем бы то ни было, нужно постоянно практиковаться. Я могу рассказать тебе эти четыре фразы, но остальное уже будет зависеть только от тебя. Понимаешь?

– Да, кажется понимаю.

Она права. Как музыкант, я это очень хорошо знаю. Если не позанимаюсь один день, то чувствую, что играю хуже. Если два дня, то уже начинают замечать друзья. Если три – то знает весь мир. Это фраза не моя, но я подписываюсь под

каждым словом. С малых лет я поняла, что секрет любого успеха в кропотливом и каждодневном труде. А по-другому не бывает! К сожалению.

– Ну так что там за такие волшебные фразы?

– Не волшебные. Но действенные. Сначала в воображении я здороваюсь с человеком, укравший мой покой. Затем говорю ему, что я его люблю – потому что это правда, и скрывать свои чувства никак не поможет тебе от них избавиться. Потом я благодарю его за все.

– За все?

– И за хорошее, и за плохое, за все что было или могло бы быть. А потом я отпускаю этого человека. Мысленно прощаюсь с ним. Попробуй, я же говорю – это очень легко. Главное – постоянство.

– Окей... Значит, я говорю... Здравствуй, Итан! Правильно?

– Все правильно. Если это правильно для тебя, то так и надо.

– Здравствуй, Итан! Я тебя люблю, Итан! Спасибо тебе за все, Итан... Я тебя... отпускаю... Итан...

Eric Whitacre, Sleep

Ты играешь мне песни без слов,
Мы придумали их когда-то...

Тогда не было острых углов,
И Христос был живой и патлатый...
Ты играешь, а я молчу...
Ты уже все сказал, сыграв.
Я тебе мою жизнь вручу,
Для тебя незнакомой став...
Это песни живут давно,
Так давно, как звучит земля.
Но тогда было все равно,
А сейчас, только ты и я.
Кто сказал, что моя любовь
Для тебя будет что-то значить...
Одиночества тихий покров
Надо мной и Патлатым плачет

Американская история любви Мэй развивалась у меня на глазах. Одноклассник, долговязый и неуклюжий, но с замечательно голубыми глазами очаровал нас обеих.

– Роман вечером опять придёт учиться рисовать иероглифы. Ты хочешь к нам присоединиться?

– Спасибо за приглашение, но мы с Итаном приглашены на ужин.

Сначала я думала, что Роман совсем не симпатичный, не «клевым», и не понимала, зачем нам такой ухажёр. А потом вдруг поймала себя на мысли, что смеюсь и улыбаюсь

в его обществе гораздо больше, нежели с «тусовочными» ребятами. Все сразу стало на свои места, и я с удовольствием проводила время в его обществе.

Немного позже в тот же вечер, Итан подхватывает меня на машине, и мы едем к его друзьям.

– Дона – это которая с белыми волосами – дирижирует хором, а я аккомпанирую. Ты ей очень понравилась, и она ждёт нас к себе домой.

– Как здорово, ты же знаешь, я с удовольствием! - отвечаю я.

Конечно, с удовольствием. Лишь бы с тобой.

Ужин с Донной растягивается на несколько часов. Дело в том, что родители Донны родом из Италии, а там приём пищи – это целый ритуал. Милая, приятная в общении дама, без ума от таланта Итана, да, похоже, и моего тоже.

– Я с детства готовила на большую семью – у меня три сестры и два брата. – рассказывает Донна. – Все работали на семейном предприятии, а мне, как меньшей, было доверено хозяйствовать по дому.

– Донна, вот было бы гениально, если бы мы смогли жить у тебя! – мечтает Итан. – Музыка до утра, концерты и разговоры об искусстве!

– Было бы здорово... Вы бы могли для меня играть мои любимые арии... Ах, было бы у меня больше места...

– Прекрасная мечта! Итан подмигивает мне, а я думаю, хочу ли я для кого-то играть с утра до вечера, пусть даже и лю-

бимые арии...

Но мне нужно привыкнуть к тому, что Итан слов на ветер не бросает.

– Ты не поверишь, моя дорогая... Ты просто не поверишь! Итан смеётся в телефонную трубку, и я, как живьём, вижу его улыбающуюся физиономию. – Донна-то что вычудила... Она давно уже собиралась переезжать. И ты помнишь, как я упомянул, что нам было бы здорово у неё пожить? Так вот, она это запомнила и хочет арендовать большой дом, а мы можем снимать жилье у неё! Что скажешь, моя дорогая?

Я, если честно, не знаю, что и сказать. Жить вместе с Итаном всегда было моей мечтой, но ведь это наверняка большие деньги, и потом – это явно не лучший способ справиться с моей влюбленностью. А потому, я говорю...

– Гениальная идея, мой дорогой! Когда заезжаем?

Так началась наша совместная жизнь с Итаном. Я не знаю как, но абсолютное одиночество толкало меня к нему даже тогда, когда я понимала, что эта привязанность приносит мне больше горя, чем радости. Как мне было разорвать эту связь, если мы не только опирались друг на друга, но и работали вместе? И может ли человек прожить эту жизнь один?

Сколько раз я говорила себе, что не останусь с ним жить, что не хочу его видеть. Сколько раз я собиралась с силами порвать наши отношения и переехать куда угодно, только

подальше от этого отчаянного одиночества, вызванного его невниманием. Но оказалось, что переехать на другую квартиру гораздо сложнее, чем на другую сторону света.

Arvo Part, Summa

Если кто-то спросит про тебя, скажу —
Довелось нам встретится в один из дней...
Если выйдешь в приозерную межу,
Погляди на пару лебедей.
Довелось нам встретится и разойтись...
Тропки разные ведут в густую рожь.
Улыбнись тому, что удалось найти,
Причащу дождем, что не вернешь.
Повстречавшись, кланялись по самый кос,
Говорили, как же тропы развели...
Папа мой хотел поля из роз —
Ты со мной овраги поделил.
Повстречавшись, мирно разошлись,
Кто-то ближе — дальше от людей...
И как будто души не рвались
Крыльями убитых лебедей.

Рождество. Я сижу за компьютером и подвожу итоги ухо-

дящего года. Я вообще-то этим не часто занимаюсь, но сегодня под настроение.

Я простудилась и сидела дома всю последнюю неделю. Кто-то сказал, что праздники – это наихудшее время для болезни. Я тогда этого не поняла и подумала, что уж если болеть, то именно в праздники – ни событий, ни работы. А сегодня, как стукнуло. В Рождество обязательно предполагается быть с семьей. Даже самые дальние и нелюдимые родственники собираются под одной крышей и до глубокого вечера едят, едят, едят. Да уж, много американских фильмов снято на тему хаоса, который приносят семейные праздники. И не то чтобы я очень хотела этого хаоса или жаждала пострадать в обществе не особо близких по духу людей, но ведь в этом-то и весь смысл рождества – сближать семьи, разбросанные по разным штатам. А что же делать нам, одиночкам? Никогда так остро не ощущаешь своего одиночества, как на праздники. Вот и получается, что, переехав сюда, я разлюбила праздники. Хотя двадцать пятое декабря – это совсем и не рождество по нашим славянским сведениям, так что я официально, в рамках моей квартиры, отмечаю этот праздник! Просто ещё один плодотворный день для творчества. Поехали!

– Мэй, что ты будешь делать после выпуска? – мы идём с очередной репетиции оркестра, и я думаю о том, что не хо-

чу всю жизнь часами играть под указания дядьки с палочкой. – Я бы очень хотела продолжать выступать с камерными концертами. Я знаю, эта карьера не стабильная – сегодня концерт есть, завтра нет. Но ведь всеведущие британские ученые доказали, что музыканты, играющие в камерных ансамблях, признаны гораздо счастливее оркестрантов.

– Ты знаешь, Оксана, а мне все равно – буду ли я играть концерты на сцене или буду эти самые сцены подметать, – отвечает Мэй.

Я так и остановилась как вкопанная. Я, конечно, уже привыкла к философским загибам Мэй, но не может же и впрямь она, удивительно талантливая скрипачка, не видеть разницы в том, быть ли ей музыкантом или уборщицей.

– Мэй, подожди, ты не хочешь играть на скрипке?

– Ты меня опять не понимаешь, дорогая. Все дело не в том, чтобы что-то хотеть, а в том, чтобы делать своё дело хорошо и с полной отдачей. Тогда и не будет разницы в том, что именно ты делаешь – чувство полезности от твоего пребывания на земле от этого не убудет и не увеличится.

Да, признаюсь, с Мэй мне никогда не соскучиться. Только я подумаю, что все уже знаю, обязательно оказывается, что я ещё и не начинала ее понимать!

– Мэй, а это плохо, что я хочу... Ну, хочу выступать на сцене, хочу быть... хоть немного... знаменитой...

– Это не плохо, – улыбается Мэй, – смотря для чего тебе это надо.

– Как для чего? А как ещё я могу представлять мою страну за рубежом? Знаешь, я только здесь почувствовала себя русской. И поняла, что мне выпала непростая миссия. Какое лицо будет у России для людей запада? Что я буду им рассказывать о моей стране? Как ещё я могу проповедовать идеи доброты, если не на сцене? Мне не обязательно быть знаменитой, но очень бы хотелось иметь площадку для выражения своих мыслей. Ну и, конечно, теперь уже мне хочется иметь достаток...

Да, в Америке, все помешаны на достатке. Это не просто идеология, а какой-то вечный двигатель идей и желаний. С детства меня учили, что не в деньгах счастье. Собственно, у нас их никогда особо и не было, но и не было никакой ущербности в связи с этим. Но когда я переехала в Америку, мало по малу всеобщая денежная лихорадка захватила и меня. Не то, что мне не хватало на жизнь, или я была какой-то транжирой – нет, совсем наоборот. Первые два года я спала на маленькой подушечке, своевременно прихваченной из самолета, а единственной моей тратой был йогурт – я очень скучала по моему любимому творогу. Йогурт, кстати, здесь не идет ни в какое сравнение с нашим. Так вот, денег на жизнь мне нужно было немного, а все равно я была охвачена каким-то зудом накопления. Когда мне пришлось взять отпуск в работе, меня охватило чувство отчаяния из-за невозможности продолжать накопление. На все предложения о работе я сначала радостно соглашалась, а по-

том, с огромным трудом, приходилось отказываться. Думаю, Америка меняет всех – и у всех есть свой порог крепости. Почему деньги стали так важны для нынешнего поколения? Думаю, это та американская мечта в действии, когда человек из ниоткуда может «выбиться в люди». Такого понятия, как благородное происхождение, уже давно нет, и хорошее образование далеко не единственный способ занять своё место в обществе. Деньги – это тот универсальный уравниватель, который ставит на одну планку отпрысков богатых родителей, знаменитого пластического хирурга и смекалистых продавцов. Или как принято говорить – бизнесменов. И последних в Америке ой как много!

Как бы там ни было, а я продолжала страдать по поводу каждого потраченного пенни. Не могу объяснить, почему это началось, но знаю, что и теперь мне проще сослаться на занятость, чем пойти на встречу в дорогой ресторан. Но когда тебя приглашают в дорогой ресторан на свидание...

ГЛАВА ПЯТАЯ

ИЛИ ЛЮБОВЬ ПО-АМЕРИКАНСКИ

Как начать встречаться, если ты ходила на свидания только в школьные годы, и все это было давно и не правда? Думаю, я бы так и хранила верность скрипке, если бы не травма руки.

– Оксанчик, ну тебе давно уже пора зарегистрироваться на каком-нибудь сайте знакомств! Что ты все сохнешь по своему Итану – ходила бы на свидания, нашла бы себе заморского принца... Или кого ты там хочешь? Повара, чтоб вкусно готовил?

Моя русская подруга Настя решительно настроена подыскать мне подходящую кандидатуру. Я вяло улыбаюсь, думая как бы от неё отмахнуться.

– Да, Насть, я очень хочу, но мне это все так непривычно... О чем говорить с человеком, которого ты даже ни разу не встречала?

– Слушай, все через это проходили. Ты же знаешь, как наши друзья нашли свою половинку. Онлайн!

Это правда. Теперь очень модно встречаться на сайтах знакомств. Конечно, дальше все зависит от самих людей, но если подумать, то практически все мои друзья познакомились в интернете.

– Так, все, я беру дело в свои руки, – говорит Настя. Это почему-то звучит, как угроза. – Я тебе сейчас сама создам профайл.

– Только не ругайся! Давай, а что будем писать?

– Начнём с твоего имени. Очевидно, что мы не можем написать Оксана.

– Очевидно?

– Естественно! С таким редким именем они тебя за секунду прогуглят!

– И мы этого не хотим?

– Конечно, нет! Мы же не хотим сумасшедших стокеров, которые будут знать твой адрес и телефон.

– Они могут найти мой адрес?!

– Ой, Оксаночка, девочка моя! Конечно, они и не такое могут найти! Знаю по собственному опыту.

– Нет, тогда, конечно, не надо. Как же меня будут звать?

– Давай подумаем... Как насчёт... По английски скрипка – Вайолин... Может Виола? Или Вайолет?

– Прекрасно! Зови меня теперь только Вайолет, буду привыкать.

– Замётано. Так, с самым сложным разобрались. Теперь надо про тебя рассказать.

– А что, собственно, рассказывать? Ты знаешь, что вся моя жизнь – это музыка. Это же скучно!

– Ничего не скучно. Давай, просыпайся! Как насчёт «успешная, целеустремлённая и безумно талантливая де-

вушка ищет соответствующего партнера»?

– Ты что, ужас какой!

Самое смешное, что Настя так и опубликовала это «безумно талантливая»! Мне потом один кавалер сказал, что я точно не поскромничала с описанием.

Уже позже, когда я немного освоилась с искусством просмотра фотографий незнакомых мужчин, я поменяла это Настино описание на более подходящее. Теперь мое приветствие звучало так: «Ищу человека, которым искренне смогу восхищаться и многому научиться.» А что? Ведь это правда, мне нужен человек, вдохновляющий меня на творчество и созерцание, философские размышления и искания, учитель в своём роде. Не знаю почему, у меня было именно такое представление о супруге, но на меньшее соглашаться не хотелось.

Yo-Yo Ma, Goat Rodeo

Сегодня мое первое за долгие-долгие годы свидание, не считая юношеских влюбленностей и нескольких совершеннейших фиаско в первые годы студенчества. Безумно волнуюсь. Что я ему скажу при встрече? Подавать ли руку или просто поздороваться на расстоянии? И главное, как я его узнаю?

– Вайолет?

Прерывая мои мысли, неожиданно подходит высокий парнишка. Ну, слава богу, хоть встретились! Полдела сделано!

Он совершенно не похож на свои фотографии. Мысленная заметка для себя – в реальности кавалеры выглядят так, как на своих худших фото. Запомним.

– Пойдём прогуляемся? – говорит он, обняв меня для приветствия.

Мой дорогой первый онлайн ухажёр! Спасибо тебе за этот бесценный опыт первого свидания, который, собственно, и сформировал мой ритуал первой встречи. Теперь всегда, встречая нового человека, я непроизвольно приобнимаю его в память о тебе. Шутка, конечно, но этот нешаблонный жест совпадает с моей внутренней теплотой и представлением об идеальной встрече. Я знаю, возможно, для кого-то такое приветствие покажется слишком фривольным, но во-первых, это Америка, детка, а во-вторых, – Флорида. А в третьих, и это самое главное – это я!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.